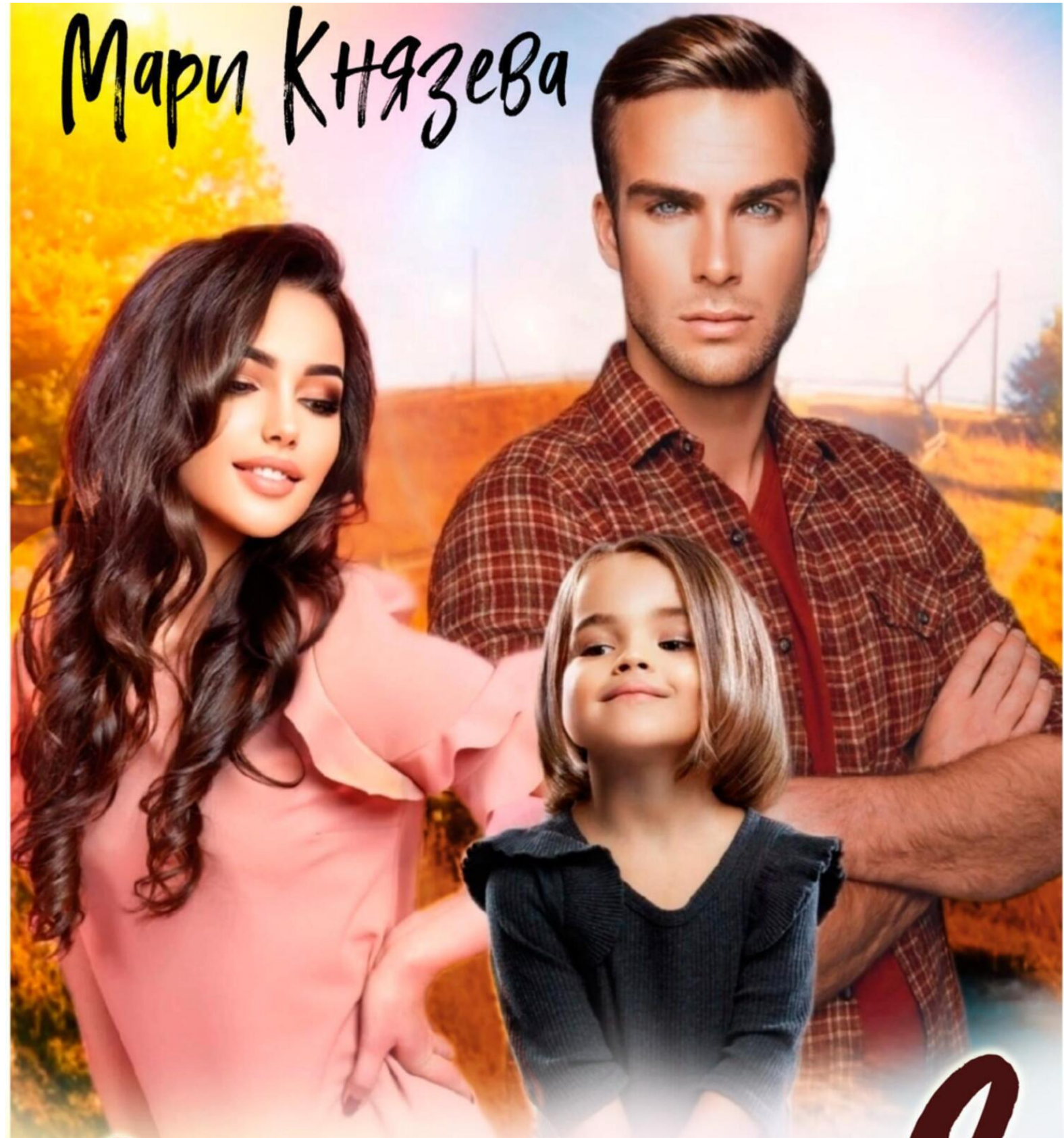


Мари Князева



Любовь зла 2

возвращение папы

Мари Князева

Любовь зла 2. Возвращение папы

«Автор»

2023

Мари Князева

Любовь зла 2. Возвращение папы / Мари Князева — «Автор»,
2023

Они оба прошли сложный путь, оба повзрослели и поняли свои ошибки, но... можно ли простить предательство в прошлом? Могут ли чувства вспыхнуть вновь через годы? Может ли ребёнок стать причиной для воссоединения возлюбленных? Здесь наша героиня уже не тот гадкий утёнок. У неё появились поклонники, и весьма завидные. Сможет ли Ярослав вернуть себе её внимание и любовь или она сгорела без следа? Это второй том, первый можно найти на моей странице и прочитать **БЕСПЛАТНО!** Но можно и не читать. События достаточно автономны.

© Мари Князева, 2023

© Автор, 2023

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Моя дочь | 5 |
| Глава 2. Игра в папу | 8 |
| Глава 3. Потеря | 12 |
| Глава 4. Алёша | 16 |
| Глава 5. Ревность | 20 |
| Глава 6. Стройматериалы | 24 |
| Глава 7. Чаепитие с Алёшей | 27 |
| Глава 8. Пикник | 30 |
| Глава 9. Паша | 34 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

Мари Князева

Любовь зла 2. Возвращение папы

Глава 1. Моя дочь

Ярослав

Примерно через три года моего изгнания те причины, которые вынудили меня эмигрировать, практически сошли на нет. Я стал другим человеком, как следствие – сменил имя и документы, а генерал Савельев забыл и думать обо мне*. Мои заработки практически целиком перешли в интернет, что позволяло путешествовать без ограничений. Я не имел близких друзей – только кучу приятелей, разбросанных по всему миру. У меня не было любимой. Женщины периодически заводились, но я не чувствовал к ним и половину того, что когда-то испытывал к девушке, которая разделила мою жизнь на до и после. В довершение всего, душу мою внезапно начала терзать какая-то смутная тревога. Тоска по родине? Смешно! Я никогда не был особенным патриотом, а соотечественников для общения всегда с лихвой хватало, в какой бы стране я ни жил.

Однако этот подсознательный процесс во мне развивался своим чередом, и однажды я, сам не зная почему, купил билет, собрал вещи, сдал квартиру – и полетел обратно. Несколько пересадок, шумный Шереметьево, непривычный гул родной речи... в областном центре пришлось пересесть в поезд. Как же я отвык от этих реалий! Хотя по миру много всего насмотрелся, и кое-где значительно худшего, чем тут. Но всё равно сидел, как пришибленный, рассматривая, как мои сограждане заваривают лапшу быстрого приготовления, кроют правительство, ругают детей... Я ощущал себя чужим. Ещё более чужим, чем там, за границей.

Отец встретил меня на вокзале лично. Мама не поехала, но минут пять рыдала на моей груди дома, без конца причитая, как же я изменился и на кого же их покинул.

– Ты надолго? – спросил батя.

Я пожал плечами. Принял душ, переоделся и отправился гулять по городу. Сам не знаю, чего искал. Ноги принесли меня к знаменательному месту – детскому дому, где я когда-то познакомился с НЕЙ. С Настей. Девушкой, которая изменила меня и всю мою жизнь, но сама трусливо сбежала. Мы с ней совершили, наверное, ужасное дело – не знаю. Но думаю, нести эту ношу было бы лучше вместе. Я много злился на неё там, когда выживал один, когда было тяжело и даже голодно. Мне казалось, что она обязана быть со мной, поддерживать меня, нянчить, как этих брошенных кем-то детей.

Я нажал кнопку звонка, и калитка распахнулась. Я шагнул внутрь, проследовал знакомым путём ко входу в административную часть, нашёл открытый кабинет. Постучал.

– Здравствуйте!

– Добрый день! – ответила ухоженная, но неприятная на лицо женщина лет пятидесяти. – Чем могу помочь?

– Я хочу узнать про одну девушку... Она ходила к вам волонтером... года три назад я с ней здесь познакомился, а потом...

– Настя Кудрявцева! – резко перебила она меня. – Она давно к нам не ходит. Как уехала к себе в деревню, на сносках уже, с тех пор и не появлялась.

Я споткнулся о странное слово:

– На чём уехала?

– На сносках! Ну, незадолго до родов! Там и осталась, наверное, ребёнка растить.

Мне уже стало не по себе, но необходимо было уточнить:

– А когда это было?

Женщина пожала плечами:

– Примерно два года назад, может, чуть больше. Да, весной это было, а сейчас осень. Значит, два с половиной года назад.

Я принялся судорожно отсчитывать девять месяцев от нашего с ней расставания. Весна...

Но ведь этого не может быть! Не могла она сразу после аборта забеременеть!

– Я могу вам ещё чем-то помочь? – с лёгким раздражением уточнила женщина, видя, что я завис.

– А она... вышла замуж? – проблеял я. – Ну, за отца реб-бёнка? – это слово оказалось удивительно тяжело произнести.

– Вот этого не могу сказать! Кольца не видела, – добавила она презрительно.

Я вышел оттуда ещё более пришибленный, чем раньше. В десять раз. Или в сто.

ОНА НЕ СДЕЛАЛА АБОРТ?! Или это всё-таки чужой ребёнок?

Первый вариант не укладывался у меня в голове. Как она могла? Почему мне не сказала? Как, вообще, юная девушка, которая жизни не видела, может решиться на такое – рожать и воспитывать ребёнка в одиночку – я не представлял. Точнее, этого не представлял "старый я". Новый такого повидал в жизни, что перестал чему-либо удивляться. Но тут, видимо, от погружения в старую среду, меня перещёлкнуло. Уезжая за границу, я и на секунду не мог предположить, что Настя решится на такое. Это безумие, невероятная тяжесть, практически крест на всей жизни..!

Чёрт, и как же узнать наверняка, не разбередив старые раны?

Никак. У нас не было общих друзей, я не знаю её родственников. Не попрось ведь я к родителям Вени с таким дурацким вопросом о собственной бывшей девушке! Да они могут ничего и не знать, как эта из детдома.

Надо ехать. В Николаевское.

Чтобы собраться с силами и мыслями, мне понадобилось два дня. За это время я в ускоренном темпе прошёл все стадии принятия неизбежного: вероятность того, что этот ребёнок мой – процентов 90, а может, и больше.

У меня есть ребёнок. Плоть от плоти моей. Кровь от крови моей. Он родился и рос без меня, потому что я был слабым трусливым человеком.

Я злился и на Настю. Почему она не сказала? Разве я не имею право знать? Провинился, да, но чтоб так...

Конечно, трясясь в электричке по родным железным дорогам, я не был ещё в принятии. Меня разрывали на части очень противоречивые чувства. Мой сын или дочь – я хотел его или её узнать, но ведь это будет совсем чужой ребёнок, не знающий меня. Мне и так было бы сложно привыкать к роли отца, а в подобных условиях – вообще не знаю, что из этого выйдет. Но проигнорировать факт существования родной живой души – не вариант. И надо принимать обстоятельства так, как они есть. Я оставил себе лазейку в виде гнева на Анастейшу и того решил придерживаться, чтобы не утонуть в собственных разрозненных эмоциях.

Николаевское оказалось большим селом, с магазинами, школой и даже маленьким парком, но – без гостиницы. Кое-как я смог пристроиться – для этого пришлось практически хватать прохожих за руки и пытаться их, стараясь не слишком испугать. Благо, опыт в попрошайничестве я за границей получил изрядный. Там, вообще, у меня была такая школа жизни, что любое наше захолустье отдыхает, уже хотя бы потому, что все понимают мой язык.

В конце концов, я нашёл старуху, которая сдала мне комнату, а также с удовольствием поделилась свежими и не очень деревенскими сплетнями.

– Вы знаете Анастасию Кудрявцеву?

– То учительница в школе... Конечно, кто ж её не знает!

– Она замужем?

– Неет! И не была никогда. Как приехала одна брюхата, так и родила и воспитывает дочку одна. Ну, с матерью, конечно.

Вопреки здравому смыслу, на душе у меня полегчало. И в полку знаний прибыло: дочка!

– И... как общество это восприняло?

– Ну... поначалу косились, а потом ничего. Привыкли. Девка-то хорошая. Ни с кем не гуляет, ни-ни! В школе работает, дети её любят, как родную, и она их... ну, воспитывает. Тож любит, получается...

Да, это на неё похоже.

– И что, даже жениха у неё нет?

Старуха пожала плечами с хитрым выражением лица:

– Ходят всякие, сватаются, но девка – камень. Ляльку воспитывает и работает. А ты, сынок, с какими, значит, целями интересуешься?

– Я её старый знакомый. Не виделись давно. А как девочку зовут?

– Дуняшей.

Странное какое имя!

– Дуняша... – я попробовал его, как новое блюдо. Оказалось сладким, но с привкусом горечи.

Моя ли ты, Дуняша, и как же мы будем теперь..?

Вечером я не стал беспокоить свою потенциальную семью, а утром – это как раз была суббота – отправился по указанному старухой адресу. Номер дома она не назвала, но подробно описала в красках.

Это была приземистая хижина, в один этаж и, как мне показалось, на пару комнат – не больше. Точнее, пару помещений. Студия со спальней, ага. В голову ударила жуткая мысль: Настя тогда рассказывала, что у её мамы нет водопровода. Неужели она растила ребёнка в таких диких условиях? Без ванны, без горячей воды... Кабздец! Ну вот как на неё не злиться?

Я открыл калитку – сидевший возле будки беспородный лохматый пёс только флегматично глянул на меня и отвернулся обратно. Я прошёл к крыльцу, стукнул два раза во входную дверь.

– Вам кого? – донёсся с огорода мелодичный женский голос.

Ещё несколько секунд – и его обладательница показалась из-за угла. И замерла.

Я узнал её с трудом.

Повзрослела, похорошела. Грудь заметно увеличилась, бёдра немного округлились. Это была женщина в расцвете своей привлекательности, и даже без макияжа и в простой одежде она выглядела потрясающе.

– Мам, кто это? – пискнуло маленькое существо, запутавшееся в Настиных ногах.

Девчонка с короткими светлыми волосами, ростиком меньше метра, хорошенькая, как цветочек, и немножко чумазая.

– Это – папа, – неожиданно вывалила на нас правду Анастейша.

Моя дочь решительно двинулась ко мне, а я присел ей навстречу на корточки. Но вместо объятий получил... пощёчину!

Глава 2. Игра в папу

Настя

– Авдотья! – мгновенно ахнула я, совершенно не ожидавшая от дочери подобной реакции. Впрочем, что ты хочешь от маленького ребенка, которому постоянно говорят неприкрытую взрослую правду?

Но я, ещё когда она была в моей утробе, решила: никаких выдумок про папу космонавта, героя-полярника или лётчика, погибшего при исполнении задания. Если спросит (а однажды она непременно спросит), скажу как есть.

Евдокия росла развитым, умненьким ребёнком, рано начала говорить – мы с мамой только диву давались – и, конечно, вопрос про папу всплыл сразу, как только она пошла в садик. Я ничего не стала скрывать, даже свою боль и обиду. В подробности не вдавалась, но отвечала честно: да, было тяжело и грустно.

А Дуняша у нас девочка боевая и за своих стоит горой. Вот и теперь – даже не дёрнулась на мой вскрик, а затараторила своему горе-папаше в лицо:

– Как тебе не стыдно! Ты почему уехал? Знаешь, как мама плакала?!

Маленькое девчачье тельце дрожало от гнева. Ярослав ошеломлённо уставился на меня:

– Ты сказала ей правду?

Я утвердительно кивнула.

– А почему мне – не сказала?!

Кажется, этот удивительный человек тоже был зол.

– На это было много причин, но какой смысл их теперь обсуждать? – вздохнула я.

– А я считаю, смысл есть! – строго нахмурившись, возразил он и огляделся. – Мы можем поговорить... где-то... цивилизованно?

Вообще-то, у меня планы. Огород и домашние задания по русскому трёх классов. Но кого это интересует? Ладно, нам всё равно придётся поговорить, рано или поздно, и лучше, конечно, оторвать этот застарелый присохший пластырь быстро, а не растягивать "удовольствие".

Я много раз представляла этот день. Знала, что однажды он выяснит о своём состоявшемся против его воли отцовстве и придёт за объяснениями. В другой момент мне казалось, что – нет. Ярослав перевернул эту страницу и даже не позвонил ни разу, чтобы спросить, как дела.

Но даже в самых ожесточённых против него фантазиях я не представляла, что он... разозлится! Какое право он имеет злиться на меня? Уж я-то чем перед ним провинилась?!

– Дунь, иди к бабушке, – сказала я дочери, но та упрямо замотала головой.

Ярослав тоже попросил:

– Пусть останется.

– Ты хочешь выяснять отношения при ребёнке? – удивилась я.

– Я не собираюсь... ссориться. Мы просто поговорим.

– Ладно...

Мы втроём прошли на задний двор, и маленькая Дуняша охраняла своего папашу, как будто он собирался опять сбежать. Она не сводила с него глаз, и по всему было видно, что ей ужасно хочется его потрогать... возможно, и не так грубо, как в первый раз. Она выплеснула свой гнев и теперь испытывала острое любопытство, а может, и ещё что-то, чего раньше не имела повода проявить.

Ярослав сел на лавочку и протянул одну руку к нашей крошке, разглядывая её с безмерным удивлением и... умилением?

Сама принцесса смотрела на протянутую к ней конечность с сомнением, как на диковенное животное или насекомое. Папа поймал её за пальчики и тут же отпустил, как только она потянула.

– Почему такое странное имя – Дуняша? – негромко спросил Ярослав, уже втягиваясь в игру с дочерью: она осторожно, медленно подносила ручку к его большой кисти, а потом дёрнула назад, когда он пытался схватить, и радостно хихикала, если успевала.

– Мама сильно хотела, чтобы внучку так звали. Она очень помогла мне в трудный момент... Приняла, нянчилась с нами, последнюю копейку на нас тратила, не говоря ни слова упрёка.

Ярослав покачал головой:

– Насть, ну это же полнейшая глупость! Дуня – внучка мэра N-ска. У вас могло быть всё, к чему эти лишения?

– Я не хотела никому ничего навязывать. Ты отказался... от неё. Значит, она только моя дочь. И мэр N-ска не имеет к ней никакого отношения.

Ярослав явно начал закипать:

– Ты же не хочешь сказать, что запретишь нам видеться..?

– Нет. Мы говорим о прошлом.

Он выдохнул и немного расслабился. А я засмотрелась на него. Он так изменился... Честно сказать, я его даже не сразу узнала. Причёска изменилась, стала простой и короткой, без всяких чёлочек и прочих модных штучек, лицо возмужало. Вроде бы, Яр стал ещё выше и шире в плечах... но это не точно, может, только кажется, мы же давно не виделись. Точно изменилась фигура: стала как-то крепче, основательнее. Как будто прежде, три года назад, он её подкачивал в спортзале, но неравномерно и непостоянно, а потом ему пришлось много и тяжело физически работать, и сила буквально вошла в его мышцы и кости, её теперь даже голодной диетой оттуда не выгонишь.

– Как прошла твоя акклиматизация на чужбине? – спросила я, заворожённо наблюдая, как постепенно Дуня сдаёт этому чужому и в то же время родному мужчине всё новые бастионы. Теперь он ловил её за пухлую талию, а она громко взвизгивала и отбегала.

Ярослав усмехнулся:

– Я и представить не мог, что такое бывает. В каком-то смысле хорошо, что тебя рядом не было, особенно беременной.

– Помойка? Вокзал?

– Да чего только не было!

– Папа не помогал тебе финансово?

– Нет. Я сразу решил, что не приму помощи и на том стоял.

– У тебя... прикольный акцент.

– Я выучил три языка на разговорном уровне. И ещё несколько по чуть-чуть.

– Какие?

– Получше – английский, испанский и итальянский. Немного – турецкий, немецкий, арабский и хинди. По-индонезийски знаю несколько слов.

– Боже, Дуняша, твой папа – полиглот!

– Что? Что ты проглотил? – сразу забеспокоилась малявка. Обхватила папу за щёки и попыталась заглянуть ему в рот. Он в ответ обнял её за талию ладонями и осторожно погладил правым большим пальцем по торчащему пузику.

– Дуняша... А как полное имя? – спросил он у меня.

– По-народному – Авдотья, а по-благородному Евдокия.

– Какое серьёзное... длинное имя для такой... козявки.

Он осторожно потянул малышку к себе и усадил на колени. Она не стала сопротивляться.

– Ничего я не глотал, Дуня. Просто знаю несколько языков.

Она удивлённо выпучила (совершенно папины, кстати) глазки и высунула язык.

– Нет, не этих! – рассмеялся Ярослав. – Могу с людьми из разных стран разговаривать их словами.

– А скажи что-нибудь по-итальянски, – попросила я.

– Sei stupida ma affascinante (ит. "Ты глупая, но очаровательная").

Вот наглец!

– Так, про глупость я поняла, а что там дальше?

– А дальше я хочу с дочкой пообщаться! Ты не могла бы оставить нас вдвоём?

Я скрестила руки на груди:

– Она сама с тобой не останется!

– Останешься? – спросил он её.

Она неуверенно кивнула, вопросительно глядя на меня:

– Мама, можно я устанусь с папой?

Я изумлённо покачала головой, но ушла в дом. И стала подглядывать за ними из окна.

Они сидели какое-то время на лавочке, тихонько воркуя о чём-то. Потом спешились, Дуня взяла папу за руку и повела по огороду показывать хозяйство.

Ветреница! Быстро же она забыла про мамины слёзы!

Это я шучу, конечно. Мне ли не знать, как важно папино внимание и как тяжело маленькой девочке без него. А тут – явился. Целый отец в её полном распоряжении... Как бы только не разбил он ей сердце, устав играть в родителя! Конечно, есть вероятность, что он действительно повзрослел, благодаря своим заграничным приключениям, но, боюсь, наверняка это можно узнать только опытным путём, вложив в его руки хрупкое Дуняшино сердечко.

Однако препятствовать Ярославу я была не намерена. Может, это и недальновидно, но обратное мне кажется бессердечным.

– Явился! – фыркнула мне под руку мама, звеня кастрюлями.

– Явился, – вздохнула я скорее устало, чем недовольно.

– И что ж, позволишь забрать?

– Мам, да это просто смешно! Что он будет делать с такой маленькой девочкой?

– Известно, что. Небось, денег куры не клюют, няньку уж найдёт...

– Мам, да об этом и речи нет... Он просто познакомиться приехал.

– Ну-ну, посмотрим. Наивная ты у меня, Настёна! Уж и обманывалась сколько, а всё равно людям веришь...

Ладно, пусть так, с няней проблем в городе нет, но – зачем? Он её почти своими руками убил три года назад, а теперь отбирать у меня станет? Смешно!

А всё-таки тревожно.

Я вышла опять в огород и присоединилась к сладкой парочке.

– Ну что, как у вас всё проходит?

– Отлично! – улыбнулся Ярослав. – У нас полное взаимопонимание. Я бы хотел...

Тут он внезапно схватил меня за плечо, притянул к себе и прошептал на ухо:

– С родителями её познакомить. Ну и в городе потусить заодно.

Я нахмурилась:

– Давай не будем торопиться. Ты сам с ней познакомься как следует сначала...

– Да я уже...

– Яр! Это тебе кажется. Она на своей территории, я рядом – поэтому ей спокойно. А если ты её увезёшь от меня... Она же маленькая ещё и совсем тебя не знает!

– Джер. Называй меня лучше так. Это привычнее.

– Что ещё за Джер?

– Я поменял имя. Теперь меня зовут Джереми Майлс. Я привык откликаться на него.

Какая глупость! Но если он так хочет...

– Хорошо, Джереми. А какие у тебя, в целом, планы? Что ты собираешься делать? Жить у отца или вернуться обратно за границу?

Он покачал головой:

– Пока не знаю. Я уехал оттуда со всеми вещами, а уже тут узнал про Дуняшу... Чёрт побери, Насть, почему ты мне не сказала? Мы бы как-то решили это вместе!

– Как? Ты бы остался и пошёл служить в штраф-роту, чтобы стать папой инвалидом? Или я бы поехала с тобой и рожала на помойке?

– Да что ты городишь! Отец бы нам помог с деньгами, всё бы ты нормально рожала, в больнице...

– Яр... то есть, Джер, ты не хотел этого ребёнка. Я пыталась с тобой спорить, но это было бесполезно.

– Да, я был идиотом, но и ты поступила неправильно!

– По-твоему, промолчать – это то же самое, что убить?!

– Мама, не ругай папу, он хороший! – замахала на меня руками Дуняша.

– Да? И где же он был так долго, хороший?

– Он... языки глотал!

В разгар нашей семейной сцены вдруг хлопнула калитка, и Дружок внезапно залился лаем, что с ним крайне редко бывает. Я выглянула за угол дома – у калитки, не решаясь войти, топтался высокий статный мужчина лет сорока, очень хорошо одетый и с печатью благородства на лице.

– Простите! – обратился он ко мне. – Это вы Анастасия Сергеевна?

– Да. Чем могу помочь?

– Я отец Паши Корабельцева. Можно с вами переговорить наедине?

Глава 3. Потеря

Ярослав

По разговору с Дуняшей я с облегчением понял, что Настя сказала ей всё-таки не всю правду: об аборте или убийстве дочь не обронила ни слова. Это был, конечно, большой сюрприз – что Дуняша в курсе моего существования, но моя бывшая возлюбленная всегда отличалась оригинальностью и правдивостью в общении.

Мы отлично пообщались с дочкой – после довольно неприятного приветствия она как будто сразу растеряла весь свой боевой запал и превратилась в самую доброжелательность – потому-то я и осмелел настолько, что задумал познакомиться её с дедушкой мэром и бабушкой.

Я не слишком разбираюсь в детях и их развитии по возрасту, но тут даже мне было очевидно, что мой ребёнок необыкновенно умён и красиво, правильно разговорчив – это вызывало невольный прилив гордости. Дуняша с удовольствием показывала мне их с мамой и бабушкой убогое хозяйство – не из-за лени хозяек, а исключительно из-за нехватки средств. Всё, что можно сделать женским ручным трудом, безусловно, было сделано. Но любые постройки и приспособления носили след крайней стеснённости в средствах. Да, моя Настёна всё та же: работает там, где считает свою помощь необходимой, а не там, где больше платят, и даже не пользуется окончательно расцветшей и раскрывшейся красотой и женственностью, чтобы получить хотя бы помощь. Уверен, ни один мужик работоспособного возраста в этой деревне не отказал бы Настюше, если бы она попросила что-нибудь сделать у неё на участке. И совсем не обязательно за это хоть как-то платить: улыбки и тёплого благодарного взгляда вполне достаточно. В конце концов, она бьётся с их отпрысками, пытаясь их хоть чему-нибудь научить. Но моя праведная принцесса не такова. Она возьмёт свой крест и потащит на гору сама, чего бы ей это ни стоило.

Когда явился подозрительно хорошо одетый и негативно настроенный мужчина по Настину душу, я даже немного напрягся. Как будто это только мне можно на неё ворчать и выражать недовольство. А все остальные пусть обходятся вежливой прохладностью.

Настя увела Корабельцева-старшего в дом, а я заговорщицки подмигнул дочери:

– Ты знаешь, где тут можно подслушать, что в доме говорят?

Её большие выразительные глазёнки загорелись, она опять схватила меня за руку и потащила в кусты малины. Пришлось идти гуськом, сложившись в три погребели, зато пост наблюдения был идеальный: нас не видно, но через форточку слышно каждое слово, сказанное в комнате:

– Это просто возмутительно! – говорил мужской голос, однако, не так уж и возмущённо. Скорее уж холодно и надменно. – Мой сын посещал самую лучшую гимназию в городе с углублённым изучением языков, в том числе и русского. И был хорошистом. А вы ставите ему двойку за первый же проверочный диктант! Двойку! Да у него отродясь двоек не было!

– Простите, – вежливо, но тоже прохладно отвечала Настя, – я не знаю, что за гимназия и почему там так неадекватно оценивают знания учащихся...

– А вы не слишком много на себя берёте? – прошипел Корабельцев. – Сидите тут в своей деревне и мните себя великим филологом...

Настя нисколько не утратила присутствие духа, её голос даже на секунду не дрогнул:

– Я окончила педагогический университет города N-ска, это вполне уважаемое учебное заведение, можете навести справки. У меня не красный диплом, но и нет ни одной тройки по профильным предметам, поэтому я считаю ваши претензии безосновательными.

– Вы... бакалавр?

– Да.

Мужик фыркнул.

– Специалитет отличался от бакалавриата лишь парой узкоспециальных предметов, мало относящихся к преподаванию в школе, и длительной практикой на полтора семестра, – отгарабанила Настя фразу, видимо, давно натеревшую ей мозоль. – Но потом его упразднили, а в магистратуре я не вижу смысла: в науку идти не планирую, хочу быть учителем.

– Очень рад за вас! Но так не пойдёт. Я не позволю, чтобы к моему сыну относились особо, из-за того, что он не местный.

А вот тут Настя, кажется, разозлилась: её голос вдруг зазвучал так холодно, так неприязненно:

– Уверяю вас, такое с моей стороны невозможно.

– Мда? Но дети-то ваши всюю стараются...

– Мы проводим с ними разъяснительную работу. Я лично слежу за тем, чтобы Пашу не обижали. Впрочем, он и сам пока справляется. У него хороший удар левой, – тут в её голосе послышалась улыбка.

– Ещё бы! Он пять лет боксом занимается.

– Это прекрасно. Значит, совсем скоро его авторитет среди одноклассников утвердится.

– Скоро! Да он скорее к матери вернётся...

– В любом случае, здесь мы с вами вряд ли чем-то можем ему помочь.

Дальше мне стало неинтересно слушать, и я потихоньку вернулся на огород. Дуняша, тоже откровенно заскучавшая, с готовностью двинулась за мной.

На втором круге по участку я стал подмечать странные детали: какие-то трубы в некоторых местах участка – очевидно новые, недавно смонтированные. Одна шла в баню, там же обнаружилась свежевыкрашенная дверь, подправленные лавки.

– Кто это делал, Дуня? – спросил я у дочери.

– Это дядя Алёша, он тут рядышком живёт.

– Что за дядя Алёша? – почувствовал я невольный укол ревности. – Какой он? Старый, молодой?

– Молодой, – подумав, выдала Дуняша.

– А у него есть дети?

– Неет! – засмеялась она. – Как же ему боженька даст деток, если у него жены нету?

Детки только от жены бывают.

Всё-то она знает! Разве можно так ребёнка без разбора просвещать?

Однако отсутствие у дяди Алёши семьи напрягало.

– Он нам трубы сделал, – продолжила тем временем Дуняша. – Мама сказала, теперь всегда водичка дома будет, даже зимой.

Водопровод? Дядя Алёша сделал им постоянный водопровод?! Надеюсь, он этим профессионально занимается и они ему заплатили...

– А пойдём-ка познакомимся с дядей Алёшей? – предложил я дочери.

– Пойдём! – маленькая ладошка опять юркнула в мою большую лапу.

Это было... удивительно. Не знаю, существует ли отцовский инстинкт, но это существо будило во мне такие необычные эмоции! Женщина, но маленькая. Хорошенькая, но это не половое чувство. Хочется защищать и заботиться, и даже можно ничего не получать взамен, кроме прикосновений этой маленькой ладошки, радостного взгляда и весёлой улыбки...

Однако уже у калитки нас поймали. На Настинем лице даже мелькнуло что-то вроде испуга:

– Вы куда?

– Мы с дядей Алёшей знакомиться! – выдала нас с потрохами Дуняша.

– Зачем?!

– Папа захотел...

Корабельцев уставился на меня пытливым взглядом, от которого холодок пробежал по спине. Ты подумай, у нас, оказывается, взаимная неприязнь...

– Ладно, – Настя оттеснила меня с дочкой в сторону и выпроводила гостя за калитку, а потом ухватила Дуняшу за ручку: – Не надо вам знакомиться с дядей Алёшей. Ни к чему это.

Я опять напрягся. Правду сказала старуха? Кругом одни ухажёры? Скромная учительница...

– Насть... мы можем поговорить наедине? – спросил я.

– Я тоже хотела тебя попросить об этом, – выдохнула она, напряжённо.

Увела дочь в домик, а потом меня – на конец огорода, где мы спрятались в желтеющих зарослях яблонь.

– Яр... – Настя явно нервничала, – скажи, пожалуйста, только честно, какие у тебя планы на Дуню?

– Честно? – почему-то сразу начал я злиться. – Честно – я позавчера узнал, что у меня есть дочь. Какие я мог построить планы? Никаких особых планов нет. Я просто хочу... быть с ней рядом. Познакомиться как следует и... ну... общаться как с дочерью.

– Ты останешься здесь? В Николаевском?

– Честно говоря, я бы, конечно, предпочёл, чтобы вы поехали со мной в город – это было бы проще.

– Я не могу оставить школу...

Я так и знал:

– Если необходимо, пока поживу тут.

– Яр... – она вдруг положила руку мне на предплечье, отчего по всему телу бешено забегали мурашки, воскрешая в памяти наше прошлое безумное увлечение друг другом. – Ты ведь не отнимешь её у меня, правда?

Я с изумлением обнаружил, что Настины глаза блестят от слёз.

– Отниму?! – переспросил поражённо. – Как я могу отнять у тебя дочь?! Что за безумные фантазии? Ты их сама придумала?

– Неважно, – глубоко вздохнула она, часто моргая. – Просто... я не смогу без неё, а она без меня. Мы пока ещё одно целое, и если...

– Да не собираюсь я тут никого разлучать, Насть! – меня прорвало, я привлёк девушку к себе и крепко сжал в объятиях. Пробормотал уже спокойнее: – Ну что за глупости ты говоришь... что я, монстр, по-твоему?

– Нет... – шмыгнула она носом, не пытаясь выбраться из рук, а наоборот, как будто растекаясь, расслабляясь, отчего в моей груди принялись вспыхивать огоньки, каждый следующий больше и горячее предыдущего. – Ты, вроде бы, никогда им не был. Мне так казалось... что ты хороший, просто избалованный мальчик... Но после этой истории с абортom... я запуталась...

– Поэтому ты мне не сказала?

– И поэтому тоже. Ты... как бы, немного предал нас... понимаешь? Не оправдал доверия... Знаю, звучит громко, но...

– Да всё правильно. Предал. Не оправдал. Но я не чудовище. Просто, как ты и сказала, избалованный эгоистичный человек. Правда, я лщу себя надеждой, что за эти годы значительно изменился. Я очень хочу подружиться с Дуней, честное слово!

– Я знаю. Она тоже. Хочет. Ты ей очень нужен. И я рада, что вы наконец познакомились.

Настя выбралась из моих объятий и серьёзно посмотрела мне в лицо слегка покрасневшими глазами.

– Ты стала ещё привлекательнее, – вырвалось у меня. – Настоящая красавица.

– Ты тоже... возмужал, – ответила она, но без дрожи и смущения. Как будто хвалит мальчика за правильный поступок.

– Спасибо. Я хочу вам помочь. Всем, что в моих силах. Мои деньги, мои руки – всё в вашем распоряжении. Если что-то нужно, говори. В средствах я не стеснён.

– Это деньги твоего папы?

Я усмехнулся:

– Нет. Те времена давно прошли. Я сам себе заработал капитал, и сейчас у меня есть бизнес в интернете.

– Хорошо. Я скажу. Приходи после обеда. Сейчас мне надо позаниматься своими делами...

– Ладно. Приду.

Я сжал на прощание её ладошку, мы вернулись во двор, я поцеловал дочь в щёку и ушёл... с тяжёлым сердцем. С ощущением потери гораздо большего, чем возможность быть отцом последние два с половиной года.

Глава 4. Алёша

Настя

Я чувствовала напряжение между мной и Ярославом. Эти объятия... они как будто окно в прошлое, и так сердце сжимается от сладко-горькой ностальгии... Мы тогда совсем немного пробыли вместе. Вообще, с тех пор, как объяснились, у нас толком и не получалось встречаться. А вот ребёнка зачать получилось. С первого раза. Наверное, это судьба. Никто никогда не преподносил мне таких уроков, как единственный парень в моей жизни, в которого я была беззаветно влюблена. Он научил меня, что нельзя доверяться никому полностью – надо всегда быть начеку и самой принимать ответственность за происходящее со мной. И нельзя идти на поводу у чужих чувств и желаний, а проверять, идут ли они в ногу с моими. В общем, я сильно повзрослела за эти три года, что мы не виделись, и, можно сказать, стала другим человеком.

Не успела я проводить Ярослава и заняться, наконец, огородом, как явился Алёша. Чудесный мальчик... Нет, он, конечно, не мальчик, а мужчина (так он сам говорит, и я не спорю). Косая сажень в плечах, руки – как мои ноги. Светлые волосы, как у классического русского богатыря... Алёша не очень высокий – скорее среднего роста, но повыше меня. Однако – он на два года младше и имеет такой восторженный и максималистичный характер, что у меня язык не поворачивается называть его про себя взрослым.

Когда Алёша вернулся из армии несколько месяцев назад, то почти сразу "приметил" меня. Его нисколько не смутило наличие дочери, главное, как он сказал – отсутствие мужа.

– Нынче, – говорит, – в городе одинокую женщину без ребёнка и не сыщешь. Так что ничего страшного.

Я ужасно смеялась над ним. Он такой... ну, медведь! Прямой и грубоватый на язык, бесконечно добрый внутри. В Дуняше моей души не чаёт... разрешает ей буквально всё, даже на голову к себе залезать. А козявка моя – девушка сообразительная. Быстро поняла, что можно дяде Алёше на шею сесть и ножки свесить. И конфеты у него есть килограммами – он их специально для неё закупает, сам не прикасается. Мы как-то даже поругались из-за этого, потому что у дочки начался диатез, после чего Алёша стал их прятать в дальний шкаф, а Дуняша – делать вид, что не знает этого и не умеет оттуда доставать.

Алёша – очень серьёзный парень. Перед тем как уйти в армию, он окончил сельскохозяйственный колледж по специальности механизатор. И параллельно слушал курс по менеджменту соответствующих предприятий. У него с детства мечта – построить идеальный колхоз, ну, или ферму, по-современному. Я всячески поддерживаю его морально, потому что считаю, что деревню нужно развивать, а рабочие места – это то, что ей нужно для развития. У нас сложно с учителями, врачами и прочими специалистами. Нельзя сказать, что наше Николаевское умирает, но оно потеряло много людей и энергии с советских времён.

Алёша упорно ухаживает за мной, хотя я никогда не давала ему никаких поощрений. Правда, и ругала не сильно за попытки сократить дистанцию. Несколько раз он пробовал меня поцеловать, а с обнимашками совсем беда – тянет руки, когда ни попадя. Я не собираюсь отвечать ему взаимностью, но и не могу на него сердиться. Всякий раз, когда он пытался переступить черту, я ссорилась с ним и пару дней дулась, но потом он приходил с повинной головой и предлагал опять дружить на почве любви к деревне и Дуняше. И я неизменно соглашалась.

Почему он мне не мил? Да мил, ещё как, но не в том смысле. Разве можно рассматривать в качестве спутника жизни парня на два года младше себя, когда всем известно, что мужчины ещё и запаздывают в психическом развитии за женщинами? Алёша очень хороший, но он... слишком простой. У него всё по полочкам: семья, дети, работа, еда, сон. Он не читает книг не по профессии, почти не смотрит кино (хотя ко мне пару раз присоседился, но, думаю, это больше для того, чтобы посидеть рядышком в полутьме), музыку слушает ужасную – какую-

то прожжённую русскую попу самого нижайшего пошиба, да ещё иногда тяжёлый рок. Мы с ним очень уж на разной волне, но Алёше это не мешает страдать по мне безответно вот уже несколько месяцев.

Вот и теперь – он явился с полной миской клубники такого вида, что за неё и убить можно.

– Господи, ну где ты её берёшь в сентябре-месяце?! – ахнула я вместо приветствия, забирая мисочку из здоровенных лап.

– Я же тебе говорил, что купил особо поздний сорт, специально для таких случаев! – Алёша отдал мне миску, а потом провёл шершавыми пальцами по моим рукам. – Настюш, съешь хоть пару ягодок, не отдавай дочке все до единой. Я для тебя их отбирал.

Я хитро улыбнулась:

– Хорошо ты меня изучил! – И сунула одну ягоду в рот.

– Я по тебе экзамен могу сдавать!

– Тогда скажи, чем я сейчас собиралась заниматься?

– Домашку у школьников проверять?

– И это тоже. И маме надо на огороде помочь.

– Давай огород мне, а тебе домашку, а потом вместе на речку сходим?

– Что там делать? Купаться холодно...

– Это хорошо. Значит, никого не будет, только мы вдвоём.

– Ты про Дуняшу забыл.

– Вот её лучше не брать, ещё залезет в воду и простынет...

– А ты будешь купаться?

– Обязательно. И ты тоже.

– Я замёрзну.

– Я тебя согрею.

Я покачала головой. Вот так каждый раз. Это у нас такой привычный флирт. Принимаем по три раза в день после еды. Я пыталась пресекать, но проще дать ему дозу – и он успокаивается. А если устроить скандал, только хуже будет: мы ссоримся, потом Алёша раскаивается, просит прощения, я его гоню, он берёт гитару и начинает петь у меня под окнами, и вся деревня потом шушукается, что молодая училка крутит шашни с мальчишкой... Да, в общественном мнении он тоже ещё пацан с не обсохшим молоком на губах. Хотя Алёша регулярно доказывает обратное – своим трудом и своими кулаками. Он скор на расправу, если видит несправедливость. Однажды вот так обнаружил дурные сплетни обо мне и всем навешал, кто не в юбке был. Над ним и смеются, и побаиваются – не знаю, чего больше.

Не откладывая в долгий ящик, мы занялись делом. Я знаю, что у Алёши и своих забот на земле хватает. Знаю, что нельзя привыкать к помощи: замуж ведь я за него не собираюсь, а при прочих вариантах однажды он уйдёт, чтобы найти своё счастье. Его жена уж точно не позволит ему ходить помогать мне. Но это так приятно – когда есть, на кого положиться. Я особенно сильно стала ценить это за то время, что осталась одна с ребёнком... И если отталкивать помощь и заботу, то она уходит и не возвращается – этому я тоже научилась за последние три года.

Домашку, конечно, всю перепроверить не успела: Алёша очень быстро работает. Он вскопал четыре грядки, как трактор. Полил помидоры, обобрал одну яблоню. И потребовал свою награду. Я улыбнулась и пошла переодеваться. Даже купальник натянула, хотя обычно не лезу в воду после Ильина дня*. Но – с Алёшей очень весело совершать всякие глупости. Думаю, он и в прорубь меня затащит на Крещение. А я пойду, потому что с ним мне не страшно. Первое время я постоянно повторяла ему: "У нас ничего не получится, я могу предложить тебе только дружбу". Он всякий раз утверждал, что согласен на такие условия, а потом начал злиться. Мол, сколько можно говорить одно и тоже? Я не тупой! И я с лёгкой душой сняла с себя ответствен-

ность за его иллюзии. Мне хорошо с ним, спокойно, весело. Я предупредила, чтобы ничего не ждал. Прочее – не мои проблемы. Я не хожу к нему или с ним вечером и стараюсь не обращать внимание на то, что про нас болтают. Всем не угодишь, а я имею право дружить с тем, с кем хочу, и Алёша – самый мой искренний, добрый и заботливый друг.

– Как там твоя земля? – спросила я его по пути на речку.

– Оформляю, – довольно откликнулся он.

– Значит, всё в порядке с бумагами?

– Да, разобрались.

Он берёт землю в аренду у государства, чтобы сажать хлеб и разводить коров. Это просто потрясающе, какая смелость и деятельная энергия! Это вам не бизнес в интернете по перепродаже чего-нибудь из Китая...

– И с комбайном в лизинг всё на мази, – продолжал Алёша. – Обещаю, Настюш, я обязательно разбогатею.

– Зачем ты мне это обещаешь? – хихикнула я, как девчонка.

– Ну, чтобы ты воспринимала меня серьёзно. Когда у человека есть деньги, никто не относится к нему снисходительно.

– Я не отношусь к тебе снисходительно, – немножко вру. – Я тебя очень люблю и уважаю.

– К сожалению, не так, как я тебя, – вздохнул он. – Пока. Но я уверен, это изменится.

Когда я встану на ноги.

– Алёшаа... ну не строй ты эти замки воздушные. Я не хочу, чтобы ты потом разочаровывался.

– Да я же тебе говорю...

– Ну что, на мне свет клином сошёлся? Ведь так много девушек хороших вокруг...

– Ладно, – неожиданно согласился он. – Когда встану на ноги, то обязательно удачно женюсь. Не на тебе, так на какой-нибудь другой хорошей девушке.

Мне полегчало на душе. Я и подумать не могла, что хватит ума притвориться, будто соглашается.

Мы пришли на речку. Алёша сразу скинул майку и потянулся к подолу моего сарафана.

– Я сама! – отпрыгнула от него на шаг.

Раздевать друг друга – это слишком интимно... Тем более, когда тебя раздевает такой... рельефный мужчина. А рельеф у Алёши – просто загляденье. Он не ходит в зал, я точно знаю (у нас и зала-то в Николаевском нет) – просто много работает физически. Он – не сушёная гора мускулов, как эти противные бодибилдеры. Он просто мощь и сила, воплощённая в мужском теле. Широкие и выпуклые грудные мышцы. Круглые, как волейбольные мячи, плечи. Подёрнутые тонким, естественным слоем жирка кубики пресса... Мне кажется, любой дамский журнал отдал бы душу главного бухгалтера за несколько фоток этого совершенного торса. Всю эту красоту венчала истинно русская голова с курчавой бородой и коротко стриженными волосами – завораживающая в своей натуральной привлекательности.

Погода стояла отличная, тепло и солнечно. Но всё равно страшно лезть в воду, ведь я знала, что она холодная. Скинула сарафан, на цыпочках подошла к берегу... и не успела шагу ступить, как меня подхватили за талию и потащили в реку. Я завизжала, вырываясь, но было поздно: в несколько исполинских шагов Алёша зашёл по пояс, и я вымокла вся, сверху донизу. Тут он меня поставил на ноги, а обнимать не перестал. Придерживая одной рукой за талию, другой зачерпывал прохладную воду и обтирал мне спину и плечи, чтобы я привыкла к температуре окружающей среды. Я тоненько пищала, но терпела. Сжималась в комочек, но не вырывалась. Алёша грел меня своей горячей грудью, и потому было не так уж невыносимо. А потом мы пошли дальше, на глубину. Тут, немного привыкнув, я выбралась из греющих объятий и немного поплавала. Алёша не отставал – он меня обгонял, окружал, хватал за руки и за ноги, чтобы пощекотать, а потом сам же ловил, чтобы я не утонула из-за своего обессиливающего

смеха. А когда я в очередной раз оказалась в стальном капкане его сильных рук, знакомый голос окрикнул нас с берега:

– Настя! Что здесь происходит?!

Я испуганно обернулась. Ярослав. Стоит на берегу и очень гневно, очень яростно на нас смотрит.

Глава 5. Ревность

Настя

– Это... кто? – напряжённо поинтересовался Алёша, сдувая капли воды с усов.

Руки свои с моей талии он убирать не желал, даже прижал покрепче.

– Это... Дуняшин отец, – вздохнула я.

Кое-как отлепила от себя медвежьи лапы и не спеша двинулась к берегу. Не орать же на всю деревню, выясняя отношения. Странно, конечно, с чего это он злится? Какие права на эмоции он вообще имеет через три года полного отчуждения? Но я отчего-то чувствовала себя виноватой.

– Ты что творишь, Анастасия? – прошипел Ярослав, встретив меня на песке.

Но я не успела ответить:

– Какие-то проблемы, уважаемый? – резво встал между нами Алёша, загородив меня широкой мускулистой спиной.

– Не твоё дело, деревенщина! – презрительно бросил ему Ярослав. – Отойди в сторону, я не с тобой разговариваю!

– Что-то мне не нравится, как ты с Настей разговариваешь! – Алёша слегка коснулся широкими ладонями плеч Мелехина, и тот покачнулся, как от удара.

– Руки убери, дубина! – рыкнул он, снова дёргаясь навстречу.

– А вот на личности незачем переходить, я тебя не оскорблял! – он ловко подставил ногу и надавил на одно плечо, так что Ярослав мешком рухнул на песок.

– Ты совсем охренел? Ты кто такой?! – Мелехин подскочил, отряхиваясь, а потом снова бесстрашно приблизился: – Ты лучше не ссорься со мной, понял? Пожалеешь!

– Правда, что ли? – снисходительным тоном переспросил Алёша и снова попытался провести какой-то приём, но Ярослав неожиданно мобилизовался – и вот, повержен уже мой сосед богатырь. Лежит на песке, безуспешно пытаюсь вдохнуть, с ошеломлённым лицом.

– Вы что творите! – взвизгнула я. Знаю, выглядит некрасиво. Будто я мщу Ярославу за свои обиды: пока его бьют – молчу, а как только Алёшу обидели – верещу. Что ж, возможно, так оно и есть...

– Это что за тип? – спросил меня Мелехин, ухватив меня за плечо.

– Это Алёша...

– Так я и думал...

Мне хотелось увещевать его на тему слишком эмоциональных реакций в адрес моей личной жизни, но тут подскочил Алёша, и они свалились уже оба на песок, мутузя друг друга.

– А ну немедленно прекратите! – запищала я, топая ногами. – Что за детский сад?! Я требую! Остановитесь! Сей-час-же!

Не сразу, но мне удалось их разнять.

– Ярослав, ты что творишь? Ты зачем бьёшь моего друга?

– Он первый начал!

– А ты его оскорблял...

Ну просто разбор полётов в детском саду!

– А вы почему с ним тут..? Где наша дочь? Как ты можешь гулять где-то... с полуголыми мужиками..?

– А ты кто такой, чтоб ей указывать? – прорычал Алёша.

– Не лезь в чужой разговор!

– Так! – Я схватилась за голову. – Быстро прекратили перепалку! Ярослав, иди домой.

Ну, туда, где остановился...

– Не пойду!

– Хорошо, иди ко мне домой, там поговорим!
– Я пойду с тобой!
– Я тоже! – Алёша.
– Нет! Мы не можем идти все вместе, потому что вы выносите мне мозг!
– Тогда почему я должен идти отдельно, а вы с ним вместе? – Ярослав.
– Потому что ты одет, а нам ещё переодеться нужно. Потому что тебя не было три года и ты ни разу мне не позвонил, чтобы узнать, как у меня дела. Не понимаю, откуда у тебя уверенность, что ты можешь чем-то в моей жизни командовать!

Он сцепил челюсти и поиграл желваками.

– Ладно. Я жду тебя дома, только не задерживайся, пожалуйста.

И он ушёл. А Алёша бросил ему вслед (негромко, но я услышала):

– У тебя был шанс, придурок, но ты его про**ал!

Ярослав, не оборачиваясь, показал ему неприличный знак.

– Кошмар! – выдохнула я. – Только этого мне и не хватало...

Алёша натянул майку.

– Ты действительно слишком много ему позволяешь! – буркнул он. – Какого чёрта ты должна с ним разговаривать и успокаивать это ничтожество, которое бросило тебя с ребёнком?

– Он не знал про Дуню.

– Почему?

– Я не сказала. Так сложились обстоятельства. Давай не будем об этом, ладно?

Какое-то время Алёша хмуро молчал.

– Ты ведь не помиришься с ним, правда? – выдал он наконец.

– Такого в планах нет. Но запрещать видеться с дочерью тоже не собираюсь. Это их право и необходимость.

– Я вполне способен заменить ей отца.

– Алёш...

– Сейчас – как твой друг, потом – как пойдёт...

– Он приехал и хочет с ней общаться. Пусть общаются.

– Ладно. Но если он начнёт тебя допекать, скажи, пожалуйста, мне. Я его укорочу.

– Скажу. Ты же знаешь, если я к кому и обращусь за помощью здесь, то это к тебе.

– Знаю. И очень ценю. Я люблю тебя, Насть. Я для тебя на всё готов. Только скажи...

– Не нужно всё. Будь просто другом.

– Буду. Как скажешь, так и будет. Придёшь сегодня чай пить?

Алёша держал на веранде настоящий самовар, который надо топить дровами, как в стародавние времена. И развешивал везде верёвки с сушками. Дуняша обожала его чаепития, как и я. Это потрясающе атмосферное занятие!

– Приду. Как Дуня проснётся...

– А можешь прийти, пока она спит?

– Зачем?

– Хочу тебе кое-что показать в спокойной обстановке.

– Ладно, постараюсь. Там у меня, видишь, теперь целый детский сад с нервным папашей.

– С папашей я разберусь.

– Не надо, я сама.

Я ожидала встретить дома целый тайфун, но то ли моя принцесса смогла утихомирить своего отца, то ли он сам отошёл вдаль от Алёши – Ярослав заметно успокоился и даже как будто устыдился своего психического всплеска.

– Прости, что вспылел, – сказал он мне, когда мы уединились во дворе. – Просто... мне показалось... чёрт, ты права, это не моё дело.

– Говори. Что хочешь высказать – выскажи. Тебе станет легче.

– Ну... я подумал... что у тебя маленькая дочь, а ты вместо её воспитания где-то гуляешь и подаёшь ей такой пример...

Я усмехнулась:

– Да... держу пари, что ты жил в своих заграничах, как монах.

– Первое время так и было! Я в таких условиях там находился, что было не до похоти. Потом, когда встал на ноги, у меня появлялись женщины, но никакого сравнения с бурной молодостью в N-ске в плане количества и... никакого сравнения с нашими отношениями в плане качества. Я никогда в жизни ни в кого так не влюблялся, как в тебя...

– Спасибо, это приятно. Но – ты ещё влюбишься. Ты молод и... свободен.

– Мне кажется, что нет. Что именно только тогда и был на такое способен. А теперь – всё.

Я фыркнула:

– Глупости! Что ещё за крест на себе в двадцать шесть лет?!

– А ты? Так же сильно влюблена в этого... дикаря?

– Я?! Влюблена? Я же тебе сказала, что он мой друг.

– С друзьями так не купаются.

– Ну простите, что не подхожу под ваши стандарты. Я, вот, – купаюсь.

– По крайней мере, он точно по тебе сохнет.

– Ну, или мокнет, – хихикнула я.

– Ты такая жестокая! – приободрился Яр. – Не жаль тебе бедного деревенского парня?

– Этот парень десять городских за пояс заткнёт, за него любая тут пойдёт с удовольствием. Он будущий деревенский олигарх.

– Так в чём же дело? Почему не ты?

– Просто – не я. Это нормально, я не обязана влюбляться в каждого достойного мужчину. Мы дружим, он помогает, чем может, мне нравится проводить с ним время. Но любовной близости у нас нет.

– Значит, твоё сердце свободно... – скорее утверждение, чем вопрос.

– С чего ты взял?

– Если бы у тебя был мужчина, он бы не позволил тебе ТАК купаться с кем-то другим. Я бы не позволил.

– Не все мужчины такие собственники, как ты.

– Ну да, есть ещё слабаки. Но этот... медведь – тоже бы не позволил, если бы ты ответила ему взаимностью.

Я покачала головой:

– Может, сменим тему? Эта что-то начинает меня утомлять.

– Хорошо. Расскажешь, как жила... без меня?

– Это долгий разговор. Давай пока отложим.

Пора возвращаться к делам. Однако меня тоже разбирало любопытство:

– Где ты научился так драться?

– Всё там же. Сколько раз я бывал бит – не перечесть. Пришлось научиться.

– Я думала, ты путешествовал по цивилизованным странам...

– По разным. Но в любой стране можно напороться на нецивилизованных людей и отхватить от них хороших люлей, особенно если тебе нечем с ними поделиться.

Острая жалость пронзила мою грудь, и я взяла Ярослава за руку, чтобы поддержать. Он благодарно сжал мою ладонь и переплёл наши пальцы.

– Это было опасное путешествие, но я всё равно сожалею, что тебя не было рядом. Мне кажется, вместе нам было бы легче... – Он задумался ненадолго, а потом усмехнулся: – Это ужасно глупо и эгоистично, но были моменты, когда я злился на тебя за то, что ты не поехала. Бросила меня. Они сменялись чувством вины за то, что я заставил тебя убить нашего ребёнка,

как мне казалось. Я был уверен, что ты возненавидела меня за это, потому и не звонил... Что сказать? "Прости"? Это как-то тупо...

Мне тоже было жаль, что всё так получилось, но... я и теперь не видела иного выхода.

– А ты... Тебе было тяжело?.. Дурацкий вопрос... Конечно, тяжело. Эти три года у вас даже водопровода не было...

Я горько усмехнулась:

– Поверь, отсутствие удобств – это не самое страшное.

– А что? Дуня сказала, ты плакала... Из-за меня?

– Я во время беременности из-за всего плакала. Увижу на улице, как мужчина своей жене кроссовки завязывает, чтобы она сама не наклонялась – и тут же зареву.

Как по заказу, от воспоминаний ком подкатил к горлу, а на веки легла тяжесть. Кажется, даже губы дрогнули. Ярослав прикрыл глаза и притянул меня к себе.

– Это не должно было с тобой случиться. С кем угодно, только не с тобой! Ты такая... хорошая. И почему именно я встретился тебе на пути? Бестолковый, самовлюблённый...

Я улыбнулась. Ну надо же, Ярослав Мелехин недоволен собой!

– Значит, так было нужно.

– Но это несправедливо!

– А ты веришь в справедливость?

– А ты нет?

– Вообще нисколько. Но я верю в людей. Меня окружают очень хорошие люди. Мама, Дуняша, Алёша, мои ученики, многие из их родителей... Я благодарна судьбе за них.

– Насть... – Он сжал меня покрепче. – Я обещаю, что приложу все возможные усилия, чтобы тоже оказаться в этом списке!

Глава 6. Стройматериалы

Ярослав

– Насть, пожалуйста, я тебя очень искренне прошу, дай мне работу. У вас на участке наверняка её много. Скажи, что нужно сделать.

Она вздохнула.

– Да... есть кое-что, но нужны стройматериалы...

– Я сейчас съезжу и куплю.

– Чем ты зарабатываешь?

– Много чем. Продаю технику в интернете, на криптовалютной бирже торгую, а ещё копирайтеров организовываю и немного балуюсь контекстом... Это неточный список, я сам иногда забываю всё, а потом гадаю, откуда это деньги на карту упали...

– Короче, делаешь их из воздуха, – улыбнулась девушка.

– Типа того.

– И много их оттуда выпадает?

– Достаточно. Я бы смог вас обеих содержать, но знаю, что ты откажешься. И запретишь слишком баловать Дуню подарками...

– А ты слушаешься?

– Куда мне деваться? Я пока в слабой позиции, но сдаваться не намерен.

– Да... это не про тебя!

На её хорошеньком личике появилось мечтательное выражение, и я льстил себя надеждой, что это – ностальгия по нашим прежним временам. Когда мы были молоды, влюблены, счастливы и беззаботны...

Кого я обманываю, мы никогда не были беззаботны! Настенция перебивалась с хлеба на воду из-за своего альтруизма и сострадания к брошенным детям, я был под каблуком и колпаком у отца, сосватан нелюбимой девушке и обречён на ненавистную работу. Мы попытались вырваться из всего этого, но это разбило нас на неравные части: одну треть и две трети. Чего бы я только не отдал, чтобы соединиться вновь в одно целое..!

Настя дала мне список необходимых материалов и показала, что именно и где нужно сделать, и ушла в дом, а я отправился за покупками. Путь был не близкий, до райцентра, а там многие магазины к моменту моего прибытия уже закрылись. Я купил, что смог, и двинул обратно, размышляя о том, не приобрести ли машину. Необходимая сумма имелась на счету – хватило бы на не слишком шикарный вариант, но вполне подходящий для семейных путешествий. Однако я пока не знал, а вдруг эти деньги понадобятся на девочек – несмотря ни на что, они казались мне – моими. По дороге позвонил отец.

– Ну что там, Яр? Как дела? Ты так внезапно уехал, мать тоскует по тебе. Ты не скоро назад собираешься? За границу, я имею в виду.

– Нет, пап, я остаюсь. Пока здесь, в области, но постараюсь в ближайшее время к вам заехать.

– Вот как! Интересно, и что же там такое тебя держит?

– Да тут... такое дело... Короче, дочь у меня есть. Евдокия. Два с половиной года ей.

Отец так охнул, что мне показалось – ему дурно.

– Это... вы с той... Анастасией успели?

– Да. Я думал... этого ребёнка уже нет – с тем и уезжал, но... она жива. Очень... симпатичная девочка и умненькая.

– Да, сынок, вот это сюрпризы ты нам преподносишь... Так и что? Будешь там вокруг них виться? Вези их, может, в город? Мать будет рада на внучку посмотреть.

– Они не хотят в город. Ну, Настя не хочет. Насчёт знакомства тоже пока не знаю. Я, видишь, сам со знакомством припозднился...

– Худо тебя принимают?

– Нет, ничего. Могло быть и хуже. Настя не против моего общения с дочерью, она очень адекватно всё воспринимает, не скандалит.

– Ещё бы она скандалила! Сама ведь скрыла...

– Ну а я её на аборт тогда отправил.

– А почему нам не сказал? Мы бы что-нибудь придумали...

Я невесело усмехнулся:

– Я помню, как ты тогда "обрадовался" новой невестке, потому и не стал сообщать ещё и о внучке.

– Ну и дурак. Дети – это святое. Хотя ты прав, я сам не знаю, как бы тогда отреагировал. Сейчас – другое дело. Мне кажется, мать на десять лет за эти три года постарела – так скучала по тебе. А ведь до твоего отъезда – зла не хватало, такой ты был шалопай...

– Капец, я м**ак, да? – к горлу подкатил комок, мой голос внезапно охрип. – Всем вокруг жизнь порчу...

– Кому-то портишь, а кому-то даришь! – с притворной строгостью ответил батя, явно желая подбодрить на самом деле. – То всё в прошлом. Дочь твоя жива – вот и делай всё, что должен. Авось успеешь грехи молодости искупить.

– Постараюсь. Спасибо, пап.

– Ты это, если нужно чего – денег, там, или ещё какой помощи – звони, я всегда готов...

– Спасибо, я сам...

– Ты только гордость не включай! Куда мне их тратить-то?

– Нет, это не гордость. Просто стыдно к тебе на шею опять подсаживаться, да и сам я на ногах уже способен стоять. Не волнуйся, если прижмёт – попрошу. Тебе первому позвоню.

– Буду ждать. И так просто тоже звони. И это... может, хоть фотографию пришлешь?

– Постараюсь, сегодня.

– Добро.

Не прошло и пятнадцати минут, как позвонила мама. Обрушила на меня целый поток причитаний вперемешку со слезами и мольбами показать внучку. Я пообещал, что сделаю в этом направлении всё возможное.

У Насти дома было оживлённо: набежали какие-то дети самых разных возрастов – они шумели, топали, смеялись за большим столом, где стояло блюдо с пирожками и два кувшина с парным молоком. Сама Настя восседала во главе с важным и счастливым видом, вещала что-то такое увлекательное, так что те, кто не отвлекался на свою болтовню, слушали с открытыми ртами. Тут же сидела и моя Дуняша, тёщи не было видно.

– Яр! – воскликнула хозяйка, и все обернулись ко мне. – Девочки-мальчики, это Ярослав Дмитриевич, наш с Дуняшей хороший друг.

Но дочка не поддержала мамин эвфемизм – соскочила с лавки и бросилась ко мне с криком:

– Паапа!

Я поднял её на руки, покружил немножко, тронул за носик-кнопку.

– А у нас полдник! – похвасталась она, указывая на накрытый стол. – Садись кушать пирожки, бабушка напекла!

– Ты сама как пирожок! – воскликнул я, ощущая жар в груди по отношению к этой удивительно мелкой барышне. – Лучше я тебя съем! – И сделал вид, что вгрызаюсь в короткую тонкую шейку.

Дуняша счастливо запищала, сжимаясь в комочек и отталкивая мою голову маленькими мягкими ладошками.

– Ты такой смешной! – заявила она, когда я прекратил атаку.

– А тебе нравятся смешные папы?

Она с умным видом задумалась на секунду.

– Даа...

– Ну тогда... – И я снова сделал вид, что кушаю её, на этот раз пухлую ручку, торчащую из-под короткого рукава розовой футболки.

Дуняша опять заверещала, смеясь, а потом вдруг обхватила мою шею и тоже сделала:

– Ам-ам-ам!

Пару минут мы играли в эту завораживающую игру во внутрисемейный каннибализм, а потом присоединились к общему столу. Дуняша не пожелала садиться отдельно и с удобством устроилась на моих коленях. Настя спросила:

– Купил?

– Крепёж купил, доски заказал с доставкой.

Она улыбнулась.

– Что у вас тут, литературный клуб? – спросил я.

– Вроде того, – кивнула девушка.

Подала мне пирожок и налила молока в простой гранёный стакан, какие я видел в поезде.

– А ты почему не ешь?

– Я недавно чай пила... у Алёши, – и смотрит на меня испытующе. Вот зараза! Ловит на ревности и кайфует от того, что я злюсь?! Или проверяет, стану ли я впадать в неадекват..?

– Без меня?! – горестно возмутилась Дуняша. Ещё одна фанатка этого деревенского дикаря! Я закатил глаза.

– Он пригласил меня одну, – заявила Настя дочери, а потом опять стрельнула в меня взглядом.

Я скрипнул зубами. Зачем это? К чему? Тычет носом, как котёнка, в лужу "ты-не-имеешь-права-ревновать"? Но ведь она меня заверила, что между ними нет ничего, кроме дружбы, и, если бы это было не так, зная её страсть к правде, она бы скорее промолчала, а не провоцировала. Успокоив себя этим соображением, я победно улыбнулся. А потом чмокнул дочь в щёку:

– Я тоже могу устроить тебе классное чаепитие, малышка. Хочешь?

Глава 7. Чаепитие с Алёшей

Настя

Алёша действительно собирался показать мне кое-что на этом чаепитии. Кое-что не предназначенное для детских глаз. Только это кое-что входило не в основную заявленную программу, а было оформлено как случайность. Смешно и наивно! Так и вижу: Алёша ждёт меня, подглядывает через забор, а как только видит на углу улицы – несётся к себе на двор и аккуратно к моему появлению опрокидывает на своё совершенное богатырское тело ведро воды. Он в одних трусах, замаскированных под шорты, и стоит ко мне спиной. Он прекрасен, как бог, в этой туче брызг, разлетающихся вокруг горы мускулов, но меня... душит смех. Ну простите, я слишком вижу его насквозь с этими детскими ухищрениями, чтобы впечатлиться.

Алёша отлично знает, что нравится женщинам внешне, да и как не нравиться, если сила-главная привлекательная черта противоположного пола, записанная нам на подкорку? А силы в нём – пропасть. И он пользуется этим, чтобы меня обольстить. Алёша много раз пытался повсякому продемонстрировать мне эти красоты, раздеваясь почём зря в моём присутствии, но я всегда пресекала эти попытки, строго заявляя, что ходить с голым торсом перед леди – не комильфо. Он куксился, сдувался, звал меня купаться на речку, где – комильфо. Но я редко соглашалась. Всё же я учительница, репутация мне дорога. И вот – новый перформанс.

Алёша повернулся ко мне со счастливым лицом, сверкая капельками воды на солнце, как драгоценными камнями, инкрустированными в идеальное мужское тело.

– Привет! Ты вовремя, я как раз работу закончил.

Ага, закончил он!..

Я хихикнула:

– Ты хоть самовар-то растопил?

– Один момент, сейчас запарю!

Он полетел на веранду всё в том же голо-мокром виде – и в этом мне тоже чудился наивно-коварный расчёт. Типа, "потом стану торопиться и ещё немного пощеголяю перед ней в неглиже"...

– Я сама, иди одевайся...

– Вот ещё! Сиди, отдыхай, ты в гостях!

– Алексей Владимыч, иди оденься, я подожду.

Всё это время мои глаза нарочно прятались в посыпанной гравием дорожке, в столешнице, накрытой коричневой клеёнкой, в желтеющих кронах слив – где угодно, только не на этих выпуклых грудных мышцах, которые забавно шевелятся при каждом движении мощных рук.

– Ну ты зануда! – недовольно проворчал Алёша и нырнул в заднюю дверь дома. А я пошла следом. Просто – захотелось.

У Алёши в доме царил холостяцкий бардак. В углу возле кошачьей миски – тяпки, на тумбе – грязная посуда, на лавке – пара вещей, брошенных в спешке. Алёша – не грязнуля и не лентяй, он просто один, и у него очень много работы на земле, да ещё всё время пытается волочиться за мной...

– Помочь тебе с посудой? – крикнула я в проход, который вёл в соседнюю комнату.

– Давай! – обрадовался Алёша, уже появляясь в проёме, в облепившей влажное тело майке и тех же мокрых трусах.

– Это ты называешь "одеться"? – закатила я глаза.

– А что? Все стратегически важные места прикрыты! Чем ты опять недовольна?

– Твоими "хитрыми" манипуляциями и интригами. Которые белыми нитками шиты.

– Ну, я не волшебник – я только учусь...

– Это-то и пугает.

– Не бойся, рядом со мной тебе ничего не угрожает.

Он подал мне чистую губку и новенький, нетронутый флакон с моющим средством.

– Для тебя купил, мне проще по старинке, тряпкой и мылом...

Терпеть не могу эти ужасные засаленные тряпки, сделанные как будто из пришедших в негодность старых носков, а Алёше они милее почему-то. Но он запомнил моё замечание и всё купил, как я люблю, а сам не пользуется.

Я усмехнулась и принялась за работу.

– Так что ты мне хотел показать? Ну, кроме своих неотразимых чресел...

– Сейчас! Минуту... – Он был, кажется, весьма доволен моей аттестацией "неотразимые".

Убежал опять в комнату и так же быстро вернулся. Подошёл ко мне справа, одной рукой держа какие-то бумаги, а другую пристраивая на мою талию.

– Смотри! Выбирал вчера теплицу... Вот эта мне понравилась...

Я бросила губку в раковину, встряхнула руки и неосмотрительно перехватила у него каталог. Как только вторая Алёшина рука освободилась, она тут же захватила в плен мой живот и соединилась с первой по всей длине предплечий. Тяжёлый подбородок лёг мне на плечо, а богатырский нос жадно втянул запах моих волос.

– Алёш...

– Да я одну минутку только... по-дружески! – умоляюще прошептал он, и я попыталась отвлечься:

– А почему сорок? Ты, кажется, на шестьдесят хотел...

– На шестьдесят я пока не тяну... но это ничего, мне хватит на первое время, я всё посчитал...

Дружеские объятия Алёше явно не давались. Он потихоньку прижимал меня к себе всё сильнее, так что в конце концов мне в поясницу упёрлось что-то большое и твёрдое, и это был вовсе не молоток в кармане шорт...

Я отложила каталог на полку и попыталась высвободиться, но меня не пустили.

Пришлось использовать тяжёлую артиллерию:

– Хочешь, я попрошу Ярослава добавить? У него есть деньги, а мне он не сможет отказать...

– Че-го?! – возмутился Алёша, гаркнув мне в самое ухо. Даже руки от гнева разжал. – Твой бывший будет мне деньги на теплицу ссужать? А потом шантажировать ими, чтобы я от тебя подальше держался..?!

Я улыбнулась, опять берясь за губку:

– У нас с ним всё в прошлом, он не имеет на меня никаких прав.

– Угу, одни желания...

– Да брось! Столько лет прошло, у него были другие женщины...

– Настюш, не будь такой наивной. Я тебе тысячу процентов даю, что такой женщины, как ты, у него больше никогда не было! Просто так, думаешь, он сюда вернулся?

– Из-за дочери.

– Про это не знаю, может, и нужна она ему, но то, как он на тебя смотрит – факт. Как кот на сметану. И ничего удивительного.

Я снова отвлеклась от своего занятия и повернулась. Пригладила влажной рукой короткие, но непокорные русые волосы.

– Это всё неважно. Кто как смотрит... Я пока не готова к новым отношениям, и вам обоим незачем ревновать.

Он поймал мою руку за предплечье, жадными горячими губами поцеловал запястье.

– А когда ты будешь готова? Три года прошло, Насть...

– У меня дочка маленькая, не до мужчин мне сейчас.

Алёша вздохнул.

– Ладно. Пойду самовар раскочегарю.

Почему-то между нами никогда не возникала неловкость, даже после вот таких сцен с объятиями, если только он не переходили границу и мы не ссорились. Мне всегда было с Алёшей легко. Может быть, потому, что мы с ним абсолютно друг друга принимали... Я принимала его чувства как есть, разрешала себя безответно любить и желать. Он – принимал мои дружеские чувства без примеси романтики. А ещё – этими редкими всплесками кормил моё голодное тело, которое глубоко внутри давно истосковалось по мужской ласке, но не могло принимать их от кого-то, к кому не благоволит душа. Я жестока? Я собака на сене? Возможно. Но я не держу Алёшу и уверена – не приревную даже, если он обратит внимание на другую девушку. Я отпущу его в любой момент, пусть только захочет уйти.

Разобравшись с посудой, мы сели за стол, накрытый на веранде. Варенье трёх видов, мёд, сушки, конфеты. Мм! Жаль, что Дуняши нет... При ней Алёша стесняется придвигаться ко мне так близко и почти обнимать за плечи, укладывая мощную руку на спинку скамейки.

– Когда ты собираешься всё сам успевать? – спросила я его, непроизвольно рисуя пальцем беспорядочные завитки на тыльной стороне крупной ладони, лежавшей передо мной на столе.

– Первый сезон, пока деньги не появятся. – Алёша прикрывал глаза от нескрываемого удовольствия. Его щёки умилительно атели.

– Так у тебя много денег не появится, или ты сляжешь от переутомления.

– И что ты предлагаешь?

Он перевернул ладонь и тоже стал играть с моими пальцами, пытаясь переплести их со своими, но я не давала.

– Нанять кого-то, а о зарплате договориться на потом, после продажи.

Я заставила его положить ладонь внутренней стороной вверх и стала рисовать уже по ней, что-то вроде сороки-вороны.

– Да кто на такое пойдёт? – Он то и дело непроизвольно сглатывал, сбиваясь с дыхания.

– Ты хотя бы спроси для начала. За спрос денег не берут. Если сможешь размещать у себя и кормить работников всё лето или хотя бы месяц, а потом уж платить, я думаю – желающие найдутся. Подай объявление в интернете.

Он поднёс мою ладошку к губам, поцеловал прямо в центр.

– Хорошо. Я попробую. Поможешь мне с объявлением?

– Конечно.

Глава 8. Пикник

Ярослав

Я взял у Насти покрывало, чашки и старенький двухлитровый термос. Заправил его кипятком, и мы втроём, с ней и Дуняшей, отправились в магазин. Как настоящая семья. Ну, это я так воображаю. На самом деле, наверное, мою бывшую девушку не отпускал этот иррациональный страх, что я похищу у неё дочь. Нет, малявка стоит того, чтобы за неё бороться – прелесть, а не девочка, но мне же не нужно бороться – мне и так разрешают общаться с ней, сколько хочу. Я никогда не стану отбирать ребёнка у матери – это подло и глупо. Девочке, да ещё в таком возрасте – кто может заменить мать?

В магазине я предложил Дуняше выбрать любой чай и любые сладости, какие ей понравятся. Ассортимент, правда, был невелик: большой супермаркет находился далековато от их дома, а тратить сорок минут на дорогу не хотелось – поэтому мы ограничились местным небольшим магазинчиком. Дуняша выбрала чай с ароматом малины, печенье и пряники.

– Можем взять ещё какой-то напиток, – предложил я. – Даже не один. А шоколадку хочешь? Или конфет...

Настя положила руку мне на предплечье, притормаживая:

– Хватит. Ей не нужно есть много сладкого.

Но сказанного не воротишь. Дуняша с удовольствием присовокупила к покупкам яблочный сок и шоколадный батончик, не глядя на то, как морщится её мама.

Я сложил это всё в рюкзак, к другим вещам, взял дочь на руки, и мы отправились на речку.

На ту самую речку, на которой я сегодня утром застал Настю в компании местного медведя-сердцеда. Просто капец, как мне не нравился этот тип! Я прямо чувствовал исходящие от него волны обожания к Насте и ненависти – ко мне. Это заставляло напряжённо работать мой мозг: что сделать, чтобы стать ближе к ней? Загладить вину, попытаться опять наладить наши отношения... Конечно, мои чувства к этой девушке притупились за несколько лет, но сейчас это была уже несколько другая девушка, ещё краше и недоступнее прежней – и я снова ощущал себя на грани влюблённости в неё. Нельзя упускать из виду и тот момент, что если Настёна полюбит кого-то и выйдет замуж, то этот человек станет проводить с Дуней больше времени, чем я. Жить с ней. А такое меня вовсе не устраивало. Я отчаянно желал отеческой близости с обрётённой дочерью.

Дуняша отлично чувствовала себя на моих руках. Она весело щебетала, рассказывая мне по пути, кто живёт в этом доме или в том, называя в основном детей. Она трогала мои волосы и шею, гладила щёки и блюмкала губой, залиvisto смеясь, когда я притворно кусал её за пальчики или рыкал, как сторожевой пёс.

– Ты просто создан, чтобы быть отцом, – внезапно похвалила меня Настя с улыбкой. – Не всем так даётся общение с детьми с наскоку.

– С ней легко, – польщённо вздохнул я. – Она такая... умная и милая.

– Да, говорят, мальчишки совсем другие...

– И девчонки тоже другие бывают. А ты... хотела бы завести ещё детей?

Настя негромко засмеялась:

– Вне брака – точно нет.

– С браком у тебя проблем не возникнет. Ты такая... молодая и красивая.

– Я не хочу с этим торопиться. Моя жизнь заполнена до краёв, в ней пока нет места мужчине.

Просто ты не встретила ещё того, для кого оно найдётся. И, чёрт побери, кажется, я бы не отказался стать им...

Мы расстелили на траве покрывало, Настя с Дуняшей накрыли "стол". Развязали пакетики с печеньем и пряниками, заварили две чашки чая с малиной.

– А мне сок! – безапелляционно заявила наша малявка.

– Что это за чаепитие такое! – укорила её мама.

– Всё равно самовара нет, – махнула рукой Дуняша, и Настя засмеялась.

Немного подкрепившись, малышка побежала бросать камешки в реку и собирать поздние цветы.

– Расскажи мне, как вы жили всё это время, – попросил я Настю. – Если, конечно, это не причинит тебе страданий.

Она пожала плечами:

– Я прожила это и отпустила. Это был просто опыт, просто жизненные уроки, нет смысла испытывать эмоции по их поводу, по крайней мере, сейчас.

– Ты всегда была мудрой не по годам, – усмехнулся я.

– А мне кажется, наоборот, наивной дурочкой.

– А теперь стала умной?

– Более эгоцентричной.

– Поэтому и работаешь в деревенской школе учительницей?

– Тут мама. Она помогает мне с Дуняшей.

– Она в садик ходит.

– Попробуй получить садик в городе...

– Мой папа поможет.

– Нет, – Настя закусила губу. – Мне здесь нравится, я никуда не хочу.

Я улыбнулся:

– Сдаётся мне, что ты не знаешь, что такое эгоцентричность.

– А мне кажется, ты путаешь её с бессовестностью.

– Совесть заставляет тебя устраивать полдники с пирожками для своих учеников?

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– К тому, что ты всё та же. Славная, добрая, альтруистичная девчонка, с которой я познакомился в детдоме три года назад. Я бы не стал тем, кем я стал, если бы не ты. Так и жил бы в своём уютном мире пьянок-гулянок и полного отсутствия смысла.

– И женился бы на Моте?

– Может, и женился. Она неплохая, а я тогда не представлял, как можно жить по-другому.

Это ты мне показала.

– Почему же ты не женился, если она неплохая?

– Этого недостаточно, Насть. Она неплохая по характеру, но внешне – совершенно не в моём вкусе.

– Что в ней не так?

– Она толстая.

– Боже! Какой недостаток...

– Для меня на тот момент – критический.

– Да уж, ты был бессовестным бездельником...

– Но я больше не такой! Завтра начну ремонт в вашей теплице...

– Ты научился работать руками?

– Ещё как! Я на стройке работал... это отличная мотивация, чтобы загореться желанием получить высшее образование.

– И как? Получил?

– Неа. Сбился по пути, научился делать деньги из воздуха и... забил. А ты... как закончила?

– Я примерно на середине беременности перевелась на заочное и взяла академ, а потом, когда Дуняша смогла проводить без меня по несколько часов подряд, мы с ней и с мамой поехали в город. Сдавать сессию. Потом ещё раз так же, а уж после Дуня смогла оставаться с мамой в деревне на весь срок.

Я покачал головой:

– Это просто потрясающе.

– Что?

– Что ты вот так – берёшь и делаешь. Сколько людей не способны взять себя в руки...

– Это потому, что они не нуждаются. А в моей жизни нужда никогда не прекращалась.

Что бы я стала делать без образования? Кассиром в супермаркете работать? Это не моё.

– Ты могла бы удачно выйти замуж и бездельничать всю оставшуюся жизнь.

– С ребёнком?!

– Поверь, это вообще не проблема!

– Здесь, в деревне – проблема. Некоторые мамочки до сих пор на меня смотрят свысока из-за того, что я не была замужем, а ребёнка имею.

– Я же про то и говорю! Поехала бы в город – и... Ну почему ты здесь? Скажи честно! Это же из-за школы? Там некому преподавать?

– Ну... есть проблемы с составом, да...

– Что и требовалось доказать.

– Но мне тут нравится! Потому что люди простые, искренние, я не чувствую себя здесь чужой, как в городе.

– А как же твоя тяга к искусству? Тебе хоть есть, с кем поговорить о высоком?

– Мои ученики, я прививаю им любовь к литературе.

– Ученики – это несерьёзно. Всё, что они могут тебе дать – это вернуть твоё же.

– В городе у меня тоже не было особо близких по духу людей.

– Да, помню. Ты закрываешься. Всегда закрывалась. Я думаю, что твоё ощущение себя чужой – первично. А отношение окружающих – вторично.

– Как умно ты научился выражаться!

– Книжки читал, – не без самодовольства кивнул я.

– Какие?

– Оо, очень много разных. На какое-то время они заменили мне друзей на чужбине. Как там у Достоевского?

– У Паустовского. "Человек, любящий и умеющий читать, – счастливый человек. Он окружен множеством умных, добрых и верных друзей. Друзья эти – книги", – процитировала Настёна наизусть и удивлённо покачала головой: – Неожиданно!

– Я же сказал, что сильно изменился.

– Люди редко меняются.

– У меня была нужда. И я так благодарен ей... а особенно тебе. За всё, что случилось со мной и за то, что Дуня... есть.

Я потянулся к Насте, чтобы хоть немного обнять её и поцеловать в щёку, но дочь, кажется, услышала своё имя – прибежала, счастливо размахивая палочкой, к которой прилип кусок тины. Он разбрасывал вокруг себя грязные капли, и Дуняшино платье уже было всё в болотно-коричневую крапинку.

– Боже, Авдотья! – воскликнула Настя.

– Боже, мама! – пискнула та и побежала прочь, весело смеясь.

Я подскочил и помчался следом.

– Отдай! Дуня, ты вся перепачкалась! Как теперь мама будет платье отстирывать?

– Бабушка стирает! – беспечно махнула ручкой дочь.

– Похоже, пора приучать её к ведению хозяйства, – сказал я Насте, безуспешно стряхивая с себя грязные капли. – Козявка такая...

Палочку я у Дуни отобрал, но она тут же отправилась за новой.

– У вас, кстати, есть стиральная машина-автомат?

Настя отрицательно покачала головой:

– Только полуавтомат, советский ещё, мама в нём мои пелёнки стирала.

– Я завтра куплю.

– Купи.

– Ты больше не отказываешься от подарков?

– Нет, но и не прошу. И потому ничем за них не расплачиваюсь.

– Насть, зачем ты так? Я от чистого сердца...

– Во избежание иллюзий, Яр.

– Хорошо. Я делаю это для Дуни.

Глава 9. Паша

Настя

В воскресенье мы всей семьёй (то есть, тремя поколениями одиноких женщин) с утра направились в церковь. Мама настаивала на религиозном воспитании Дуни, утверждая, что одно это и способно спасти её от печальной участи. Такой, как у меня – она не произносила это вслух, но оно читалось между строк.

А я не возражала. Не считаю себя истовой христианкой, но и сопротивления не чувствую. Надо – значит, надо. Бабушке виднее. Она, хоть и не во всём является образцом христианской добродетели, но жизнь прожила достойно, благочестиво, и проявила недюжинное милосердие ко мне, когда я явилась к ней с разбитым сердцем и несправедная*.

А сразу по возвращении домой я переделась и отправилась к Корабельцевым. Так мы договорились с Пашиным папой, что я позанимаюсь с мальчиком индивидуально, разберём ошибки в проверочном диктанте, наметим пути исправления ситуации. Я не подписывалась ни на какое репетиторство, просто хотела помочь ребёнку, для которого любой перевод в новое учебное заведение – это стресс, а уж такая резкая смена среды, как произошла у Паши – двойной или даже тройной стресс. Сельские мальчишки действительно недолюбливают чужаков из города. Потому что сами комплексуют из-за своей деревенскости, а как известно, яростнее всех лает испуганная собака. Оставалось надеяться, что Паша уже достаточно взрослый (целых пятнадцать лет), чтобы пережить это испытание и стать сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.